

УДК 130.2:351.858

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В НАСЛЕДИИ П. С. БАХЛЫКОВА

И. М. Куликова

*Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0001-5472-6024,
e-mail: kim0153@mail.ru,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Россия*

ONTOLOGICAL STATUS OF HISTORICAL TIME IN THE LEGACY OF P. S. BAKHLYKOV

I. M. Kulikova

*Candidate of Philological Sciences, assistant professor,
ORCID: 0000-0001-5472-6024,
e-mail: im0153@mail.ru,
Surgut State University,
Surgut, Russia*

Abstract. The article deals with the works of P.S. Bakhlykov – representative of regional culture. In the field of view of the author of the article are his paintings and ethnographic journalism. The analysis of P. Bakhlykov's heritage is carried out from the position of an ontological understanding of time in its correlation with being. On this basis, in his work two main communication models of the concept of time and ontology are distinguished: the event ontology model and the presence ontology model. In the second model, there are two main types of "invasion" of the past into the present – "silent" and "intelligible".

Keywords: P. S. Bakhlykov; the time concept; the "intelligible" invasion; the "silent" invasion; event ontology; presence ontology.

Наследие П. С. Бахлыкова, представляющего культуру народов Югры, не получило всероссийского признания, в силу чего не стало предметом пристального исследования специалистов. Вместе с тем творчество художников т. н. «второго ряда» позволяет отчетливее осознать особенности развития духовной жизни народа и общества в определенный отрезок времени. Так, с конца XX в. содержание деятельности значительной части творческой интеллигенции стало определять стремление к философскому осмыслению бытия в его пространственно-временных координатах. Наследие П. Бахлыкова не было исключением. Задачей статьи стало выявление в публицистическом и живо-

писном наследии «подвижника из Угута» особенностей трактовки вопроса о смысле и содержании исторического времени, проецируемого на бытие юганских ханты и окружающих народов, то есть времени в онтологическом измерении.

Концепт времени является важнейшим метафизическим понятием. М. Хайдеггер, относивший понятие времени к числу базисных категорий бытия, утверждал, что «существование в бытии-друг-с-другом в мире» есть «определенная форма временности» [6, с. 337]. Рассмотрение времени как структуры, изначально присущей бытию, П. Бахлыков связывает с этногенезом народа ханты, который произошел когда-то в глубине тысячелетий. Точное время

формирования этноса не представляется ему важным: «более семи тысяч лет» или «гораздо раньше», или «четыре тысячи лет тому назад» [1, с. 7, 16]. Отнесение времени прихода предков угров на несколько тысячелетий раньше их реального появления на данной территории позволило автору связать в целое «изначальное» время и начало бытия народа, маркировав это как «событие», возникшее и бывшее прежде, как «не присутствующее сущее» [5, с. 153–154], определившее дальнейшее существование народа.

Рассматривая концепт времени как модель событийной онтологии, П. Бахлыков выделяет в движении исторического прошлого наиболее важные (в его понимании) вехи народного бытия, которые определили существенные изменения в его судьбе («существовании сущего»). Среди них он называет «нашествие татар» и «насильственное обращение в христианство» [4, с. 56], приход советской власти, Великую Отечественную войну, промышленное освоение региона (с 60–70-х годов XX века) [1, с. 8, 129, 141, 163]. Осмысление этих «узлов истории» («событий») дано в основном в его публицистических работах, частично собранных в издании «Подвижник из Угута» [4], и книге «Юганские ханты» [1]. Живописные работы на историческую тему в наследии П. Бахлыкова немногочисленны. В них отражено время вхождения этносов Югры в состав российской государственности и христианский мир, приведшее к частичной смене их мировоззренческих и ценностных парадигм («Клятва», «Ермак», «Кучум», «В новую веру»). События XX века, когда угроза исчезновения ханты и его культуры стала очевидной, окрашены трагизмом («Упрек», «Последний», «Старый идол» и др.).

Основное внимание П. Бахлыков уделял современности, ее актуальным и зачастую болезненным проблемам. Понятие «настоящего» – важнейшее из смысловых полей концепта времени. При этом насто-

ящее определяется исторически прошедшим, преходящим, то есть «временным»: «всякое сущее приходит и уходит в должное время и пребывает ... на протяжении отмеренного времени» [5, с. 392]. Следовательно, время есть «близость присутствования из настоящего, осуществившегося и будущего» [5, с. 401]. В этом «тройком» протяжении времени П. Бахлыков акцентирует внимание на «современности прошедшего» – на том в бытии, что еще продолжает свою жизнь в настоящем. Моделируемая им «онтология присутствия» во многом связана со стремлением сохранить (или вернуть) то, что представляется ему актуальным для существования этноса в современности и может обеспечить ему будущее. То есть П. Бахлыков сосредоточил свое внимание на том, что Н. Гартман обозначал как «"вторжение" прошлого в настоящее», выделив два основных вида такого «вторжения» – «молчаливое» и «внятное» [2, с. 639–640].

«Молчаливое» присутствие прошлого в настоящем фиксируется П. Бахлыковым в его живописи, связанной с этнической тематикой, определяемой стремлением отразить ранние мировоззренческие концепты, сохранившиеся в системе современного мышления и жизненной практике ханты. Он фиксирует те явления прошлого, которое не осознаются этносом в качестве таковых и воспринимаются как «сегодняшнее», продолжая жить в традициях, частично сохраняясь в мировоззрении, системе ценностей, религиозных представлениях, морали, суевериях и т. п. Несмотря на то, что значительная часть такого наследия утратила первоначальный смысл, приспособившись к современным условиям и взглядам, оно еще во многом определяет бытие и мышление народа в настоящем. Модель мира в таких работах П. Бахлыкова характеризуется единством природы и человека. Художник репрезентирует мифологемы «лес» и «река», семантические параметры которых опреде-

лены как «дом», «место существования», «защищающее пространство», обеспечивающее контакты с внешним миром» [3, с. 265] – отношения друг с другом и с трансцендентным. В картинах «В дальнем урмане», «Счастливые» и др. герои которых живут под открытым небом, «внутри» природы. Человеческое жилище естественно вписывается в природный ландшафт («Зимовье на Нёгус-яхе», «Последний» и др.), составляя с природой и человеком целое. Уже ранняя работа «Дитя природы» демонстрировала нацеленность на изображение человека, входящего в бытие природного мира как его органичная часть. Неосознаваемый характер «включенности» ранних религиозных представлений в структуру современного сознания отражен в картинах «Прости нас, хозяин», «Идол и одуванчики» и др.

В работах П. Бахлыкова нашло отражение и т.н. «внятное вторжение», то есть знание о прошлом, сохранившееся в сознании народа и зафиксированное в воспоминаниях, рассказах, преданиях, легендах, исторических хрониках, либо «определенное» прошлое, представленное устаревшими орудиями труда, предметами быта, памятниками, развалинами древних сооружений и другим. Примерами могут служить картины, посвященные реальному историческому прошлому (уже упоминавшиеся «Клятва», «Ермак» и др.) либо мифологически осмысленному прошлому (работа по мотивам народного эпоса «Юганский богатырь Тонья», где нашли отражение исторические факты по локальным столкновениям угров с русскими казаками и служилыми людьми в период вхождения этих земель в состав России).

Примерами «внятного» вторжения могут служить и т.н. «оживления» мифологических событий, делающие их фактом социальной реальности. Антрополог Н. Мунн определяет миф как действия и события в пределах локализованного пространства, который культурой определяется как «реальный», но который «навсе-

гда удален во времени и в пространстве от места, где сейчас живут люди» [7, с. 581]. Такой миф доступен им лишь в символической форме. На картинах П. Бахлыкова «мифические действия» даны через изображение обрядов, ритуалов, элементов древнего театрализованного представления («У священного огня», «Медвежий праздник», «Шаман» и др.). Так, в работе «Медвежий праздник» запечатлены элементы обрядовой хореографии, медвежьих маски и костюмы, сохранившиеся в культурной жизни этноса. В работах такого плана происходит своеобразное наложение «внятного» и «молчаливого» вторжения, оба вида дополняют друг друга. В ряде работ («Ностальгия», «Последний», «Старый идол» и др.) «внятное» вторжение перекрывает первое. В них зафиксировано осмысление этносом факта безвозвратно уходящего (или уже исчезнувшего) прошлого, в парадигмах которого он существовал долгое время. В работе «Трофим Фомич. Ностальгия» передано ощущение утраты «потерянного рая». Портрет героя картины дан в «рамке» из ветвей кедра и изображений животных, подчеркивая тоску старика по прежнему укладу, где человек, звери и растения существовали в абсолютной гармонии. Символичен «Старый идол»: человеческие ладони тянутся к древней скульптуре, падающей под напором современной техники. Еще более символична, ассоциативна и трагична работа «Последний»: отрубленная голова оленя со слезой, вытекающей из глаза, лежит перед сидящим на коленях одиноким старым ханты, за спиной которого видны силуэты нефтяных вышек, вертолеты, дым.

Понимание «внятного» вторжения как наличия в настоящем бытии исчезнувшего явления или предмета через его «осовременивание» [2, с. 641] находит отражение в книге П. Бахлыкова «Юганские ханты» [1]. В работе дано описание многих артефактов прошлого, которые либо исчезли совсем или сохранены в музеях, либо ред-

ко используются в практике жизни. К их числу следует отнести описания средневековых городищ, традиционных хозяйственных промыслов, средств передвижения, предметов быта (орудий труда, утвари, одежды и т. п.). Представлены и особенности духовной культуры (художественные промыслы, музыкальные инструменты, деревянная скульптура, религиозные культы, семейно-брачные традиции, праздники и т. п.). Описания сопровождаются рисунками, сделанными автором книги, которые вместе с некоторыми его живописными полотнами являются своеобразным «дополнением» к исследованию: описание музыкальных инструментов [1, с. 108–113] «проиллюстрировано» в картинах «Вечная песня», «Соло-Томра». В «Рукодельнице» дан портрет женщины, занимающейся традиционным художественным ремеслом – плетением бисера. Подобные и другие примеры демонстрируют сохранение прошлого в настоящем, несмотря на уход того, что было.

Резюмируя наблюдения, отметим следующее. Понимание истории как взаимосвязанности событий в происходящем и осознание того, что прошедшее не абсолютно исчезло, а присутствует в современности, позволило П. Бахлыкову дать интерпретацию времени как основы понимания бытия. В его наследии обнаруживаются две метафизические модели концепта времени: модель событийной онтологии и модель онтологии присутствия. Вторая модель воспроизводится через репрезентацию первообразов коллективного бессознательного, еще проявляющих себя в культуре ханты и осмысленных с позиций современности, и артефактов материальной и духовной культуры, значимость которых для будущего краеведом и художником не подвергается сомнению. Бытийный статус исторического времени в наследии П. Бахлыкова подтверждает тот факт, что его творчество находилось в русле тенденций культурного процесса времени.

Библиографический список

1. Бахлыков П. С. Юганские ханты: История, быт и культура. – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – 208 с.
2. Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе / пер. с нем. // Культурология. XX век: Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 608–648.
3. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М. : ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
4. Подвижник из Угута: Бахлыков Петр Семенович: Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 144 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М. : «Республика», 1993. – 447 с.
6. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск : Водолей, 1998. – 384 с.
7. Munn Nancy D. Symbolism in a Ritual Context: Aspects of Symbolic Action. In Handbook of Social and Cultural Anthropology. John J. Honigmann, ed. – Chicago : Rand McNally, 1974. – P. 579–612.

Bibliograficheskij spisok

1. Baxly`kov P. S. Yuganskije xanty`: Istorija, byt` i kul`tura. – Tyumen` : SoftDizajn, 1996. – 208 s.
2. Gartman N. Problema duxovnogo bytiya. Issledovaniya k obosnovaniyu filosofii istorii i nauk o duxe / per. s nem. // Kul`turologiya. XX vek: Antologiya. – M. : Yurist, 1995. – S. 608–648.
3. Makovskij M. M. Sravnitel`nyj slovar` mifologicheskoj simboliki v indoevropejskix yazykax: Obraz mira i miry` obrazov. – M. : VLADOS, 1996. – 416 s.
4. Podvizhnik iz Uguta: Baxly`kov Petr Semenovich: Neopublikovanny`e i maloizvestny`e stranicy tvorcestva. – Tyumen` : Izd-vo Yu. Mandriki, 2000. – 144 s.
5. Hajdegger M. Vremya i bytie: Stat`i i vy`stupleniya. – M. : «Respublika», 1993. – 447 s.
6. Hajdegger M. Prolegomeny` k istorii ponyatiya vremeni. – Tomsk : Vodolej, 1998. – 384 s.
7. Munn Nancy D. Symbolism in a Ritual Context: Aspects of Symbolic Action. In Handbook of Social and Cultural Anthropology. John J. Honigmann, ed. – Chicago : Rand McNally, 1974. – P. 579–612.

© Куликова И. М., 2019.